

УДК 294.321(517.3)

АБАЕВА Любовь Лубсановна — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

ИСЛАМ: МОНГОЛЬСКИЙ МИР И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. В статье представлены исламские анклавные территории монгольского мира. И хотя исторически в пределах монголосферы не было собственно этнических адептов исламской культуры, в современных Монголии, Бурятии и Калмыкии уже появились мечети, а стало быть, и адепты ислама. Нравственные категории и этические приоритеты монгольских народов в массе своей все еще до сих пор остаются в контексте буддийских идей и практик. На наш взгляд, результаты исторической креативной деятельности мусульманских традиций в сопредельных территориях монгольского мира в настоящее время проявляются в поведенческом настроении некоторых (малочисленных) современных монгольских социумов, значительно меняя стереотипы их конфессиональной компетентности и размытая традиционные этнические ценности и ориентиры.

Ключевые слова: ислам, монгольский мир, сопредельные территории, арабский Восток, Золотая Орда, Коран, умма (община), шариат, кораническое пространство, торговые пути, мусульманские диспоры, Лхаса

Религиозные традиции, в разное время органично/неорганично возникшие в векторе историко-культурной эволюции того или иного социума, рано или поздно, а скорее — неизбежно появляются в настроениях и мотивациях того или иного социума. Монгольская метаэтническая общность в структуре своих традиционных духовных страт (довольно развитая система шаманизма, тэнгрианство) в процессе адаптации буддийских теорий и практик предпочитала врожденные и впитанные «с молоком матери» религиозные символы родного локуса, т.е. символы собственно этнического окружения. Хотя надо признать, что буддийские теории сопредельного Тибета в начале своего распространения в Великой степи все же были инновационными и приобретенными, но этнически осознанными в силу однородности буддийских религиозных традиций и обычаев. Синхронное существование этносов в моно- и полиэтнических пространствах, а также торговые взаимоотношения (Великий шелковый путь) и миссионерская активность вдоль этого Пути обусловили появление в среде элиты монгольского мира представителей разных религиозных конфессий. В период Монгольской империи при дворе в качестве различных вспомогательных административных представителей фиксируются такие религиозные конфессии, как даосизм, конфуцианство, буддизм, христианство, манихейство, ислам [Абаева 2013; 2021а; 2021б]. С падением Монгольской империи, как утверждает Жан-Поль Ру, исчезают активные позиции христианства в монгольских и китайских анклавах, оставаясь все еще востребованными на арабском Востоке [Ру 2006: 565]. Территория Центральной Азии «показывала себя неподвластной мусульманской религии, вопреки некоторым успехам, которые она [исламская религиозная система в тот период] одержала, [однако] не замедлила принять ее, по крайней мере, ее западная половина до Алтайских гор и до областей, которые назовут позднее китайским Туркестаном или Синьцзяном» [Ру 2006: 566].

Параллельная адаптация ислама ильханами и ханами Золотой Орды естественно усиливала статус мусульман на Среднем Востоке. И здесь крайне интересно, что активизация исламского проникновения на Средний Восток практически нивелировала христианские ростки в этом регионе. Точно так же после падения Юаньской династии как буддизм, «инородный» в Китае, так и христианство значительно теряют свои практически лидирующие позиции, присутствующие и довольно заметные при монголах. Китайская элита возвращается к своим традиционным ценностным религиозным и политическим императивам – конфуцианству и даосизму. На территории Китая остаются лишь небольшие, крайне изолированные анклавные китайской вариации буддизма – чань-буддизма, который впоследствии в силу своей специфики на китайской земле в контексте Шаолиньского монастыря с его боевыми искусствами и психотехникой стал очень популярным на всем земном шаре.

Центр активации исламских миссионеров, сподвижников, а также многочисленных халифатов постепенно сдвигаются с востока на запад. Однако вследствие военного передвижения на восток монголы вновь вступают в непосредственный контакт с исламским миром. «Взятие престижной столицы “Тысячи и одной ночи” (Багдад) монголами, казнь командора верующих в 1258 г. дали Каиру место, которое он напрасно оспаривал с Багдадом», – утверждает Жан-Поль Ру [Ру 2006: 566]. Более того, французский исследователь подчеркивает, что, если бы не монгольские военные действия/завоевания, Египет вряд ли бы стал «фигурой первого мусульманского государства в мире», а величественный Багдад, оставаясь культурным центром, станет «городом средней значимости», и Ирак, для которого Багдад признавался самым утонченным в своей красоте и славе, превратится в «отдаленный район» мусульманской культуры [Ру 2006: 566].

Россия, по мнению многих известных историков-востоковедов, в силу разрозненности княжеств более всего подверглась влиянию/воле монгольских завоевателей с 1237–1238 гг. по 1502 г., когда столица Золотой Орды Сарай была разрушена крымским ханом Менгу Гиреем I. Элита правящего класса, как утверждает тот же Жан-Поль Ру, «попытались как можно лучше приспособиться к существующей тогда ситуации. Они, конечно, предпочли покориться монголам, чем исламу и тюркоязычным князьям» (выделено нами. – *Авт.*) [Ру 2006: 568]. При этом православное духовенство, как и все священнослужители на территории Монгольской империи, были освобождены от налогов и поборов. Небезынтересна также мысль французского исследователя, что такие категории, как деспотизм, характерный для российского царского режима, установление абсолютной власти, которую не обсуждают и которую каждый уважает, «какой бы она ни была и что бы она ни делала», «смирение и послушание» мирского населения также заимствованы у имперской Монголии. Здесь же фиксируется четкая тенденция ортодоксальных православных к «воле к выживанию» своих религиозных символов и скрытое/открытое ригидное противостояние исламу.

Появление исламской культуры и ее дальнейшее развитие фиксирует также феномен перманентных и обширных торговых связей и развитие международной торговли. Кроме того, при возникновении ислама на любой территории, как правило, открывались многочисленные медресе (средние и высшие школы), появлялись новые адепты. Об этом свидетельствует более позднее красочное и богатое оформление столицы Золотой Орды – тринадцать больших мечетей, хотя население Золотой Орды территориально и этнически было крайне разношерстным: монголы, азы, кипчаки, черкесы, русские, визан-

тийцы, мусульмане Египта, Ирака и Сирии [Ру 2006: 522]. Правда, в процессе исламизации территорий, завоеванных монголами, всегда оставались реликты собственных религиозных обычаев и обрядов у представителей того или иного этнического сообщества, в разные хронологические периоды входившего в состав Монгольской империи.

Ислам как религиозная система, сложившаяся «на стыке древних европейских и ближневосточной цивилизаций, впитавшая в себя элементы христианства и иудаизма, греческой философии и римского права, административную структуру древнеперсидских империй и мистико-метафизических спекуляций индуизма и буддизма, являет собой сложный итог многостороннего синтеза», – утверждает Л.С. Васильев [Васильев 1983: 158]. Основной матрицей этого поликультурного и поликонфессионального синтезированного субстрата мифологических, поэтизированных и канонизированных идей и практик были, соответственно, арабский этнос, арабская культура и арабская государственность.

Не вдаваясь в подробности обширного религиозного пути ислама, его эволюции, структуры мусульманского образа жизни и его непосредственных канонических, отметим лишь, что расцвет, процветание мусульманских идей и практик фиксируется в Оттоманской империи, когда основная часть канонического халифата оказалась под ее юрисдикцией. С возникновением Оттоманской империи функции халифов (халифатов) переходят к турецкому султану, ставшему повелителем правоверных. Центром шиитского ислама становится Иран, где продолжается оппозиция шиитов и суннитов. Третьей крупной исламской империей стала империя Великих Моголов в Индии, где процессы адаптации коранических идей и практик шли параллельно с индуизмом.

«Мировые религии ориентируют человеческий дух на то, что он должен учиться мыслить, видеть и слышать истины бытия», – писал известный религиовед-востоковед В.И. Корнев [Корнев 1999: 13]. Это, естественно, буддизм, христианство и ислам. Буддизм в данном случае относится к категории «мыслить», христианство – «видеть», ислам – «слышать». Вектор их хронологической эволюции, как акцентирует автор, проявляется через каждые 617 лет и имеет «точечные» ориентиры – Будду, Иисуса Христа, Мухаммеда. Эти великие исторические ориентиры формируют мироразвивающие модели, которые со временем «как бы взрываются», заполняя огромные географические пространства. Исламское (кораническое) пространство постоянно «наполняется» голосом Всевышнего, выступая зримо и «подавляюще мощно» [Корнев 1999: 206]. Небесная твердь здесь ассоциируется с Кораном, основу пространства представляет умма (община), а путь указывает шариат.

Основные этапы эволюции мусульманских (исламских) воззрений характеризуются тем, что предписания Корана, изложенные Мухаммедом, являются божественными истинами. При этом наиболее убедительными и доказательными для людей являются ратные победы над неверующими («язычниками»), сомневающимися («люди писаний», т.е. ученые), над сильными врагами. В результате таких побед «дух укрепляется в вере». Во-вторых, по мнению исследователя, «человеческий дух обязательно стремится индивидуально постичь божественную истину». В-третьих, уже в VIII в. начинают разрабатываться принципы и законы толкования Корана – тафсир, основоположником которого считают двоюродного брата Мухаммеда Абдаллаха ибн Абасса (умер в 687 г.). Толкователи разделяются на два лагеря: буквального понимания, принятия Корана и интерпретации скрытых, тайных смыслов Корана. В векторе развития коранического пространства на его

обширных территориях фиксируются также удивительные идеи исламского социализма в его разных национальных формах. Единство коранического пространства на практике создает свою интеграционную модель, включающую политические, финансовые, экономические и благотворительные механизмы взаимодействия и взаимопомощи, такие как «Исламская конференция», Исламская торгово-промышленная палата, ОПЕК, Исламский банк развития, Исламский Совет Европы, Региональная исламская организация стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана, Лига исламского мира, Международная организация исламских банков и т.д. [Корнев 1999: 209]. Здесь же можно вспомнить и о таких феноменах, как активизирующийся так называемый исламский фундаментализм, а также процессы обсуждения допустимых границ секуляризации.

Что касается доминирующей во всех смыслах сопредельной территории монгольского мира в этнокультурном, социальном и конфессиональном контексте – Тибета, как отмечают и российские, и европейские исследователи, Лхаса и окружающие ее территории были прочно закрыты для всех чужестранцев. Тибет всегда считался, по мнению многих ученых, крайне гомогенной монолитной территорией в этническом, культурном, лингвистическом и религиозном смысле. Традиционными религиозными конфессиями здесь были бон и буддизм в вариациях разных буддийских школ [Абаева 2018]. Однако издания и исследования конца прошлого и начала настоящего веков позволяют раскрыть некоторые «коранические» анклавные территории и в Тибете. К примеру, Даваа Доржи в своей публикации журнала *Tibet Journal* отмечает, что еще в XIX в. Лхаса по «азиатским стандартам» считалась абсолютно космополитичным урбанизированным городом. Традиционно насельниками Лхасы являлись этносы Индии, Непала, Бутана, Ладака, Центральной Азии, Монголии, Китая и даже Юго-Восточной Азии. Но в связи с английской экспансией в Южную Азию и Гималаи Лхаса, под протекторатом которой был весь буддийский Гималайский регион, «закрывает свои ворота» [Norbu 1990: 29].

Однако исламские идеи и религиозные практики (коранические анклавные территории) все же фиксируются не только в Тибете и его сопредельных территориях, но и на равнинных (террасовых) и горных территориях предгималайской гряды и собственно великих Гималаев. В высокогорные районы Гималаев мусульманские идеи и практики все же не проникают. Только автохтонные этносы, наследственно привыкшие к условиям высокогорья и разреженного воздуха, являлись насельниками этой уникальной территории, и они обживали, устраивали и культивировали этот регион.

Ислам проникает в Тибет из двух регионов. Естественно, пионерами здесь были торговые представители – адепты исламской культуры. Жозе Игнасио Кабесон в своей статье «*Islam in the Tibetan Cultural Sphere*» («Ислам в тибетской культурной сфере») свидетельствует, что первый путь пролегал из Аравии. Через Персию и Афганистан они достигали Китая по Великому шелковому пути. Второй маршрут – из Нинси (*Ningxia*) и других городов Китая на Восточный Тибет – Амдо. Китайские мусульмане, известные как хуэй (*Huis*), как правило, оседали в Сылине (*Siling*) в регионе Кукунора. С этого места они везли свои товары в Центральный Тибет. Многие из них практически всегда присутствовали/проживали в Восточном Тибете, где в основном хранились их огромные тюки с товаром. Спорадически с товаром они передвигались на Лхасу, где незначительное число их братьев по вере уже успело освоиться/прижиться. Малочисленная мусульманская община в Лхасе в этническом отношении состояла из китайцев, кашмирцев, непальцев, выходцев из Ладака и

сикхов (принявших ислам после военных столкновений в Догре) [Cabezon 1997: 21]. Организационно они были разделены на две группы, представляющие Большую и Малую мечети¹. Традиции исламского мира, как полагают многие исследователи, также проникали и со стороны Запада: из Туркестана, Балтистана и Кашмира – в Ладак, и через Ладак – в Восточный Тибет и Лхасу. Так случилось, что Балтистан был покорен исламскими военными где-то в начале XV в., и «тибетские буддисты были вынуждены принять ислам». В конце XVI в. исламисты завоевали Ладак и «сожгли все буддийские религиозные трактаты, некоторые утопили в водных источниках, разрушили практически все буддийские монастыри и после этого вернулись на свою родину» [Cabezon 1997: 15]. Но, как утверждают те же источники, «буддизм выжил и до сих пор процветает».

По утверждению автора, буддизм и ислам не только «взаимно повлияли друг на друга» в политическом и популярном народном смысле, но и значительно обогатили художественные, научные и литературные смыслы друг друга. Влияние исламского искусства и архитектуры, истоками которых являлись Персия, Кашмир и Индия Великих Моголов, на многие локусы Гималаев достаточно известно. Кроме того, песенная и музыкальная культура и широко известная арабская медицина, хотя и в небольшой степени, имели контакты с тибетскими традициями [Cabezon 1997: 22].

Процесс интеграции малых этнических групп с исламскими воззрениями, обрядами и обычаями (даже предгималайского происхождения) в столице буддийской культуры и религии Лхасе требовал лояльности со стороны буддийского сообщества. Адаптация мусульман в локус тибетской теократической столицы потребовала немало времени. Однако общие и взаимные коммерческие интересы сыграли свою интегративную функцию, т.к. тибетскому буддийскому социуму необходимы были шафран, сушеные фрукты, сахар, все виды текстиля и т.д. В свою очередь, мусульманские торговцы получали широко популярные в их среде красочные тибетские палантины и шали из шерсти различных животных, бытующих в тибетском социуме, а также соль, золото, бирюзу и хвосты яков, используемых в индуистских (видимо, для перепродажи. – *Авт.*) религиозных ритуалах, и особенно шерсть, мускус и чай [Cabezon 1997: 20].

Как результат торговой, культурной и языковой интеграции, мусульманское сообщество (правда, очень малочисленное) в столице буддийской культуры в Лхасе выработало четкое и явно выраженное чувство религиозной и этнической самоидентичности (*self-identity*), что в значительной степени отличало их от всех других анклавов Тибетского нагорья. Игнасио в конце своей статьи отмечает, что эти малые диаспоры исламского вероисповедания в Лхасе «перед лицом всепоглощающего, всеобъемлющего и окружающего буддийского мира вокруг них» выжили и существуют именно благодаря известной толерантности буддистов. Интересно, что все эти малые диаспоры мусульманского анклава в Лхасе «считают Тибет своей родиной (*homeland*)» [Cabezon 1997: 21].

После событий 1959 г. адепты ислама, исторически – индийские поданные, исчезают из бывшей зоны Тибетской автономии. В Индии и Непале их регистрируют как беженцев. На сегодняшний день исламские диаспоры сконцентрированы в основном в Катманду, Даржилинге и Калимпонге. Наиболее круп-

¹ *Masjid* – мечеть – английский термин, произошедший от арабского «масджид» (место живых поклонов).

ная группа бывших мусульманских диаспор Тибета фиксируется в Шринагаре штата Кашмир в Индии.

Результаты исторической креативной деятельности мусульманских традиций в сопредельных территориях монгольского мира в настоящее время проявляются в поведенческом настроении некоторых этнофоров современных монгольских социумов, значительно меняя стереотипы их конфессиональной компетентности и размывая традиционные этнические ценности и ориентиры. В столице Монголии Улан-Баторе, столице Бурятии Улан-Удэ, столице Калмыкии Элисте появляются мечети, а стало быть, и адепты исламской религиозной культуры. Аспект диалогического вектора в данном случае происходит на уровне восток–восток, что отнюдь не свидетельствует о единой и общей культурной и конфессиональной целостности данного феномена.

Статья подготовлена в русле исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию отделу философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук по проекту: «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии с периода распространения буддизма до современности (Россия – XVIII–XI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)».

Список литературы

- Абаева Л.Л. 2013. Несторианские раннехристианские религиозные традиции в этнокультурной истории народов Центральной Азии. – *Вестник БГУ. Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология*. № 6. С. 146–149.
- Абаева Л.Л. 2018. *Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций*. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном. 368 с.
- Абаева Л.Л. 2021а. Христианские вариации и мотивы в монгольском мире: феномен религиозной конверсии. – *Власть*. Т. 29. № 3. С. 158–163.
- Абаева Л.Л. 2021б. Манихейство в религиозных реверсиях монгольского мира. – *Власть*. Т. 29. № 5. С. 222–227.
- Васильев Л.С. 1983. *История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество)*: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа. 368 с.
- Корнев В.И. 1999. *История мировых религий*. Инновационный проект XXI века «Логос». М.: [б.и.], 244 с.
- Ру Ж.-П. 2006. *История Империи монголов* (пер. с фр. З.З. Сажиновой; отв. ред. П.Б. Коновалов, С.Ш. Чагдуров). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета. 672 с.
- Norbu D. 1990. The Europeanization of Sino-Tibetan Relations, 1775–1907: The Genesis of Chinese 'Suzerainty' and Tibetan 'Autonomy'. – *Tibet Journal*. Vol. 15. No. 4. P. 29–39.
- Cabezón J.I. 1997. Islam in Tibetan Cultural Sphere. – *Islam in Tibet & The Illustrated Narrative Tibetan Caravans* (ed. by H. Gray). P. 13–23.

ABAEVA Liubov Lubsanovna, Dr.Sci. (Hist.), Professor; Chief Research Associate of the Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; luba-abaeva@mail.ru)

ISLAM: THE MONGOLIAN WORLD AND RELATED TERRITORIES

Abstract. *The article presents Islamic enclaves in the adjacent territories of the Mongolian world. In addition, although historically there were no significant ethnic adherents of Islamic culture within the Mongol sphere, mosques have already appeared in modern Mongolia, Buryatia and Kalmykia, and therefore adherents of Islam. However, the moral categories and ethical priorities of the Mongolian people remain in the context of Buddhist ideas and practices. In our opinion, the results of the historical creative activity of Muslim traditions in the adjacent territories of the Mongolian world manifest themselves in the behavioral mood of some (small) modern Mongolian societies, significantly changing the stereotypes of their confessional competence and blurring traditional ethnic values and guidelines.*

Keywords: *Islam, Mongolian world, adjacent territories, Arab East, Golden Horde, Quran, Ummah (community), Sharia, Koran, Quranic space, trade routes, Muslim diasporas, Lhasa*
